

Кандидат филологических наук

Б. И. Городецкий

ПРОБЛЕМА НАРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Проблема народа — центральная и основная проблема всего творчества Пушкина — является в то же время основной и решающей в развитии его мировоззрения. Она теснейшим и неразрывным образом связана не только с целым кругом сложнейших моментов индивидуального развития Пушкина, но и с основными этапами развития русского общественного самосознания эпохи Пушкина, русского исторического процесса в целом.

Первая четверть XIX в., в хронологических границах которой Пушкин проделал путь от своих первых произведений до «Бориса Годунова», замыкается двумя датами: 11 марта 1801 г. и 14 декабря 1825 г.

Этот период общественно-политического развития России насыщен множеством событий исключительного социально-исторического значения.

Переломным моментом, обусловившим активизацию революционных настроений в России этого периода, явились события 1812—1815 гг., огромный патриотический подъем, вызванный Отечественной войной и возвращение широких народных масс, только что освободивших отечество и Европу, на родину, «под палку господина...»¹

Особенно обострившиеся после окончания Отечественной войны антикрепостнические настроения народных масс проявлялись в стихийных формах и время от времени давали себя знать то восстанием в Семеновском полку, то бунтами в военных поселениях, то прокатывавшимися по всей России волнами крестьянских неорганизованных выступлений.

Назревавшие в России революционные настроения захватывали и передовую часть молодого дворянского поколения. Движение дворянских революционеров вылилось в форму военного заговора и завершилось разгромом на Сенатской площади.

¹ А. С. Грибоедов. 1812 год. План и сцена из драмы. Полн. собр. соч. под. ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкиной, т. I. Изд. Академии наук, 1914, стр. 263.

Процесс развития мировоззрения и художественного творчества Пушкина протекает в этот период исключительно быстрыми темпами. В этом отношении пушкинское творчество последних лет перед восстанием декабристов объективно начинало отражать несравненно более глубокие, чем дворянская революционность, тенденции общенародного движения к свободе. Этот все более и более развивавшийся и углублявшийся процесс приводил Пушкина, в плане мировоззренческом, к осознанию решающей роли народа в истории, а в плане художественном — к победе реализма. И тот и другой моменты обусловили возможность перехода от романтики «Кавказского Пленника» к широкому реализму «Евгения Онегина» и предопределили решающие историко-социальные черты «Бориса Годунова». Особенно важен был для Пушкина в этом отношении период его южной ссылки.

Революционные и национально-освободительные движения на юге Европы приковывали общее внимание. От их исхода ожидали многого и в отношении предпосылок успеха революционного движения в самой России. Насколько был захвачен всем этим Пушкин, говорят его письма данного периода. «...нюхайте гишпанского табуку и чихайте громче, еще громче», — пишет он Н. И. Гнедичу 4 декабря 1820 г.¹ «Уведомляю тебя, — пишет он В. Л. Давыдову в первой половине марта 1821 г., — о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греция восстала и провозгласила свою свободу».²

Эти события приобретали особую остроту в условиях активизации революционных настроений в самой России. Восстание в Семеновском полку и прокатывавшиеся по всей России крестьянские волнения говорили о возможности широкого народного революционного движения и в России. Эти обстоятельства, при наличии идеологически неоднородного состава деятелей тайных обществ, вызывали столь же неоднородные отклики; одни не скрывали своей боязни неорганизованного «мужичьего бунта», другие стремились разобраться в характере и особенностях назревавшего народного движения. Со всей остротой вставал перед наиболее вдумчивыми из наблюдателей вопрос о возможностях, способах и сроках реализации создававшихся в декабристской среде многочисленных проектов преобразования политического строя России. Эти проекты находили свое воплощение в более или менее стройных конституционных построениях сугубо рационалистического типа и в планах их осуществления от постепенного улучшения судьбы народа легальными средствами до вооруженного военного переворота, осуществляемого ради народа, но без его участия.

Для наиболее дальновидных из современников уже и тогда становилась очевидной несоизмеримость сил и средств, которыми располагали тайные общества, с теми могучими силами народа, которые прорывались повсюду

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 24.

² Там же, стр. 22.

и находили себе выход во всякого рода неорганизованных и стихийных бунтах и восстаниях.

Остро ощущал силу народа и историческую разобщенность с ним дворянской интеллигенции и Грибоедов. «Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги?— писал Грибоедов о народных песнях, которые он услышал во время одной из загородных прогулок в окрестностях Петербурга.— ...Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невняты, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! ...Народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!»¹

Наибольшую острогу все эти вопросы приобрели к 1822—1823 гг., когда со всей очевидностью стали проявляться реальные результаты реакционной деятельности Священного союза. Одно за другим подавлялись революционные и национально-освободительные движения на западе и юге Европы. Не лучше обстояло дело и в самой России, где все явственнее давала себя знать реакционная политика Александра I. Глубокие сдвиги этих лет решительным образом меняли политическую ситуацию, складывавшуюся к 1819—1821 гг.

Пафос политического романтизма, заставлявший Пушкина еще в начале 1821 г. вместе с Давыдовыми и Раевскими поднимать «спасенья чашу...» «...за здоровье *тех и той*»² и мечтать о близкой революции в России,— заметно ослабевал. Еще в сентябре 1822 г. Пушкин мог писать П. А. Вяземскому: «Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России...»³ К 1823—1824 гг. окончательно исчезают остатки каких бы то ни было политических иллюзий. Традиционный для политических романтиков преддекабристского периода культ героя, из рук которого народы получают свою свободу, быстро утрачивал прежнее обаяние.

... и где же вы, зиждители свободы?

Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,

Волнуйте, мудрецы, безумную толпу...⁴

Это не был отход от политических идеалов народной свободы, которых не поколебала для Пушкина даже катастрофа 14 декабря. Это было трезвое признание крушения своего прежнего политического романтизма, воспринятого в среде царскосельских, петербургских и каменных энтузиастов,

¹ А. С. Грибоедов. Загородная поездка (1826). Полн. собр. соч. под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова, т. III. Изд. Академии Наук, 1917, стр. 116—117.

² А. С. Пушкин. В. Л. Давыдову. Соч., т. II, стр. 39.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 42.

⁴ А. С. Пушкин. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...». Соч., т. II, стр. 173.

«у беспокойного Никиты, у осторожного Ильи», в «дружеских спорах», где

... Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Нозлы Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.¹

Это было признание реальной несостоятельности того политического романтизма, который мог еще в конце 1821 г. внушить Пушкину замысел высокой «вечевой» трагедии с центральным образом свободолюбивого героя — друга народа Вадима.

Но в 1824 г., наблюдая за трагедией усмирённой Европы, где

Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы²

и трезво расценивая это как крушение своих прежних политических иллюзий, Пушкин с горечью констатировал:

...потерял я только время,
Благие мысли и труды...³

Объективно это звучало как горькое, но трезвое признание недостаточности и неполноценности сил и средств одних «зизждителей свободы» в условиях неприменности народов к делу своего освобождения. Иронически акцентированная Пушкиным апелляция «зизждителей свободы» к «чести» народов («Вас не разбудит чести клич») ⁴ говорит о взаимном непонимании между народами и «зизждителями». Поэтому формула «Паситесь, мирные народы!»⁵ продиктована отнюдь не презрением к этим народам, но сознанием того, что, несмотря на таящиеся в них огромные силы и возможности, они все еще смиренно позволяют себя «резать или стричь». Через год в трагедии «Борис Годунов» Пушкин покажет эту могучую, но неорганизованную силу народа, который «несется толпою», помогает самозванцу опрокинуть трон Бориса и все же безмолвствует в финале трагедии.

Именно в эти годы Пушкин впервые с такой настойчивостью и какой-то личной заинтересованностью стал задумываться о характере и облике подлинного народа, который предстал перед ним в образе совершенно новом, глубоко отличном от того традиционного образа, какой создавался дворянскими революционерами до Рылеева включительно. Это решающее

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. X. Соч., т. V, стр. 212.

² А. С. Пушкин. «Недвижный страждремал на царственном пороге...». Соч., т. II, стр. 172.

³ А. С. Пушкин. «Свободы сеятель пустынный...». Соч., т. II, стр. 158.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

обстоятельство и обусловило для Пушкина возможность исключительного по своей принципиальности и смелости перехода от романтического образа народа в «Вадиме» к небывалому в мировой литературе до Пушкина глубоко историчному раскрытию его роли в качестве решающей силы исторического процесса в «Борисе Годунове».

Процесс своеобразной кристаллизации образа подлинного народа в творчестве Пушкина был достаточно сложным. В этом отношении чрезвычайно показательным является принципиально различное разрешение проблемы народа в драматургии Пушкина и Шекспира. Основные черты и особенности шекспировской драматургии всецело обусловлены характером эпохи английского Возрождения. Эта эпоха борьбы новых общественных сил с феодализмом определила не только тематику шекспировских трагедий, но и характерные особенности их героев, обычно наделенных сильной и глубокой индивидуальностью, утверждающих высокие права человеческой личности. Отсюда — столь характерная для Шекспира гиперболизация этой личности и невероятное напряжение страстей, определяющее внутренний мир героев.

Все это в свою очередь закономерно приводило в шекспировской драматургии к преувеличенному пониманию роли личности в историческом процессе и к снижению роли и значения в этом процессе широких народных масс. Отличительной чертой драматургической системы Шекспира Пушкин считал его метод «вольного и широкого изображения характеров, небрежного и простого составления типов». Основу же этой системы Пушкин видел в том, что характеры героев раскрываются под воздействием окружающих их и влияющих на них обстоятельств.

Но, признавая теоретически эти положения плодотворными, Пушкин уже не мог удовлетворяться теми методами реализации их, какими удовлетворялся Шекспир.

Общественно-политическая концепция Шекспира обосновывала развитие историко-социального процесса деятельностью и борьбой богато одаренных и сильных личностей. В «Борисе Годунове» решающая роль в развитии социально-исторического процесса принадлежит народу.

Это решающее обстоятельство и обусловило коренное отличие драматургической системы Пушкина — в тех ее очертаниях, какие определились в «Борисе Годунове», — от шекспировской. Это отличие состоит в принципиально ином понимании «обстоятельств», которые «развивают перед зрителем... разнообразные и многосторонние характеры»¹ героев. В огромной шекспировской трилогии о Генрихе VI таким «обстоятельством» является борьба за королевский престол двух династий. Роль народа в этой борьбе ничтожна. Характерный эпизод мятежа Джека Кеда введен для наглядной иллюстрации тягчайших последствий распада государственности. В «Ричарде III» таким «обстоятельством»

¹ А. С. Пушкин. «Лица, созданные Шекспиром...» (Table-Talk). Соч., т. VII, стр. 516.

является преступная жажда власти самого Ричарда, влияющая на других и определяющая поведение окружающих его людей. Трагедия последовательно рисует кровавый путь Ричарда к престолу, овладение престолом ценой тягчайших преступлений и неизбежную гибель Ричарда от руки небесного правосудия, воплощенного в светлом образе Ричмонда.

Совершенно иного типа коллизии положены в основу пушкинской трагедии. Успех и победа самозванца обусловлены отнюдь не его личными качествами. Ничтожна роль и боярства в поражении Годунова. Победа самозванца и поражение Годунова всецело обусловлены возникшим широким народным движением, опрокидывающим трон Годунова. Это обстоятельство в свою очередь «развивает» и самый образ народа, раскрывающийся в пушкинской трагедии в самых различных своих аспектах — от безразличия и пассивности на Девичьем поле до мятежных призывов «мужика на амвоне» и подавленного безмолвия в финале трагедии.

Этим завоеванием своего историко-социального мышления Пушкин далеко опережал своих современников, не только в России, но и на Западе, которые и после окончания Пушкиным «Бориса Годунова» (1825) продолжали еще долгое время оставаться на позициях исторического романтизма (В. Гюго «Кромвель», 1827; П. Мериме «Жакерия», 1828 и др.).

Глубокое различие между пушкинским и шекспировским историзмом становится ясным при сравнении самого метода художественной интерпретации исторического материала у Шекспира и Пушкина. Принципиальное отличие шекспировских хроник от пушкинской трагедии в том, что, несмотря на свой внешний исторический колорит, они являются все же условно историческими. Эта условность еще более подчеркивается введением фантастического элемента, играющего столь значительную роль в шекспировской драматургии и совершенно отсутствующего у Пушкина. Шекспир интересуется главным образом человеческим характером вообще, условно вдвигаемым им в рамки исторических событий и эпохи. Гамлет как характер не обязательно должен был появиться в Дании, а Фальстаф — в XV в. Часто характеры шекспировских героев перерастают рамки отведенной им эпохи, приобретая черты «общечеловеческого» характера (Гамлет, Отелло, Король Лир). Пушкин, наоборот, стремится создать не просто человеческие, а исторические характеры, свойственные данной эпохе, данному народу, данной социальной группе. Реалистическая основа пушкинского историзма приводила его к исключительной художественной конкретности. Схимник, проводивший свою молодость в пирах «за царскую трапезой» и в битвах «под башнями Казани», — фигура, характерная не для европейского средневековья, не для католицизма, не для Востока, а именно для России конца XVI — начала XVII в. Юродивый, поносящий царя на московской площади, — это не условный «пророчатель» европейской литературной традиции, даже не просто русский юродивый, каких было

много на Руси, а именно московский юридический XV — XVI вв., с исторически правдоподобным обликом и речью.

Народ в трагедии Пушкина — это не просто одна из условных движущих сил пьесы, проявляющая себя где-то за пределами сценического действия. Это — вполне реальное действующее лицо, наделенное собственным голосом, имеющее сложный и противоречивый характер, раскрывающийся на всем протяжении пьесы в зависимости от обстоятельств.

Роль и значение этого образа косвенно определяются хотя бы и тем, что народ открывает трагедию избранием Бориса на царство, он и заканчивает ее, опрокидывая престол им же избранного царя. Мнением народным определен и последний заключительный момент трагедии.

Вторая сцена трагедии («Красная площадь») показывает народ пока еще пассивным и ожидающим. Выслушав решение думы, народ расходится по домам.

Третья сцена («Девичье поле. Новодевичий монастырь») показывает самый момент избрания царя. В этом важнейшем акте государственной жизни Пушкиным подчеркнута лишь любопытство толпы, для которой избрание царя является прежде всего редкостным зрелищем.

В этих сценах народ в массе своей еще слабо ориентируется в значении происходящих событий. Одни под давлением правительственных агентов послушно падали на колени и кричали подсказанные им слова. Другие, не понимая происходящего и выражая полнейшее равнодушие и безразличие ко всему, что не относится к зрелищу, недоумевали и не знали, как им себя вести и что делать. («О д и н. Все плачут, заплачем, брат, и мы. Д р у г о й. Я силюсь, брат, да не могу.»)¹ Так Пушкин разработал мотив «искренности» и «вдохновения», которыми, по словам Карамзина, определялось поведение народа в момент избрания Бориса на царство («искренность побеждала притворство, вдохновение действовало и на равнодушных...»)²

Сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» в драматургическом отношении несет исключительно сложные функции. Едва намеченная в первой сцене тема убийства царевича здесь развивается полнее и глубже; летописец Пимен, который выражает отзвуки настроений широких народных масс, с огромной силой обвиняет царя Бориса в гибели младенца.

Образ летописца играет в пушкинской трагедии весьма значительную роль, являясь одним из выразителей того «мнения народного», которым определяется поведение народа: «...Народ в совокупности, — говорил декабрист Е. П. Оболенский, — не имеет ясного понятия о том, что он чувствует — добро или зло. В массе его ощущений он чувствует то, что относится до него лично, — и совокупность этих ощущений, более или менее ясных, составляет то, что мы называем общим народным голосом, но еще не

¹ А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 228.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, 1824, стр. 234—235.

мнением народным, выражение которого требует большего или меньшего ясного понимания и суждения и умственного развития...»¹

Сложными путями пришел этот бывший соратник Иоанна IV к монашеской келье, пройдя, может быть, через опалу и гнев Грозного, чтобы за монашеской одеждой скрыть многое, что ему известно и что, несомненно, находило отражение в его летописи, которую он ведет, отнюдь не вникая равнодушно добру и злу, как это показалось Григорию.

Много переживший, просветленный старостью, страданиями и думами, непосредственно общавшийся с народом, воспринимавший отовсюду самые разнообразные и противоречивые слухи и оценки, Пимен был в состоянии подняться в своих выводах до значительных обобщений. Поэтому его суровые слова о Борисе:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе царубийцу
Мы нарекли.²

звучат с огромной силой народного гнева и воспринимаются как отзвук грозного «мнения народного» о царе-преступнике.

В этом отношении чрезвычайно характерен акцентированный в пушкинской трагедии антигодуновский культ младенца Дмитрия, созданный народом и направленный непосредственно против Бориса. Чем более темным в народном представлении становится облик Бориса, тем более светлым и чистым проступает в народном сознании лик Дмитрия. Эту народную легенду, таящую глубокий политический смысл, и раскрывает нечаянно простодушный патриарх, что было сразу же понято Годуновым.

Нет нужды в том, что легенда о Дмитриии-чудотворце подтверждает (в пушкинской трагедии) факт его реальной смерти: это обстоятельство не играет никакой роли в том, что народ, ненавидящий Годунова, будет поддерживать самозванца, принявшего имя царевича: «...Он именем ужасным ополчен...»³

Ненависть к Годунову, противопоставляемая идеалу высшей моральной чистоты, воплощенному в народном сознании в образе младенца-мученика, развязывает (в трагедии) страшную в своей мощи народную силу. «Дмитрия воскреснувшее имя»⁴ становится синонимом освобождения от тягот Борисова царствования: «Мы из Москвы, опальные, бежали...»; «К тебе я с Дона послан...»⁵ и т. д.

«Площадь перед собором в Москве» — решающая сцена трагедии. Эта сцена как бы суммирует, объединяет, как в фокусе, все моменты народных

¹ Сб. «Декабристы и их время», ч. 1. М., 1927, стр. 197.

² А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 236.

³ Там же, стр. 312.

⁴ Там же, стр. 265.

⁵ Там же, стр. 272.

антигодуновских настроений, до этого звучавших в трагедии лишь приглушенно и разрозненно. В этой сцене царь уже побежден мнением народным. Слова юродивого — кульминационный момент всей трагедии. Это — народный приговор над Борисом. Трагедия, по существу, закончена, исход ее предопределен отношением народа к царю, власть которого держится всецело на угнетении и подавлении народа. Несовместимость этого основного принципа всякой самодержавной власти с исконными жизненными интересами народа утверждается всей пушкинской трагедией в целом, а потенциальная сила народа, пока недостаточно разбирающегося в существе вещей, но приобретающего решимость и мощь в условиях созревания «мнения народного», с исключительной выразительностью показана в образе «мужика на амвоне» и народа, который «несется толпою».

Здание государственной системы Годунова рассыпается на глазах у зрителей. И сам Годунов в последний период жизни напоминает уже не всадника, спокойно правящего конем, а человека, выбитого из седла.

Победил народ, а не Самозванец. Вот тут-то и вступает в строй и начинает звучать полным голосом приглушенная на всем протяжении трагедии, но отчетливо намеченная уже в самом начале ее, проблема народ — боярство.

Не допуская народ к участию в государственных делах, боярство знает, однако, силу народа. Более того, боярство признает эту силу в качестве решающей. На какой-то момент общая ненависть к Годунову заставляет бояр даже желать проявления этой силы, направленной против Годунова. Но это отнюдь не означает совпадения коренных интересов боярства и народа. Поэтому, когда взметнувшаяся народная волна опрокинула ненавистный народу трон Годунова, бояре сочли это событие делом, касающимся непосредственно их, и вновь, решительно отстранив победивший народ от участия в решении основных жизненных вопросов, явились на сцене в своей прежней роли вершителей судеб государственных: «Раступитесь, раступитесь. Бояре идут...»¹

Народ победил, но не мог воспользоваться плодами своей победы. Положение его осталось тем же: «Народ в ужасе молчит».²

В этом финале — ключ к пониманию не только всей пушкинской трагедии в целом, но и тех социально-политических и историко-философских взглядов, к каким пришел Пушкин в канун декабрьских событий и какие надолго определили направление его мировоззренческих и творческих исканий в последекабристский период.

«Борисом Годуновым» был ознаменован этап исключительного значения в политическом и художественном развитии Пушкина. Именно с этого времени в пушкинском творчестве появляется народ как основная и решающая сила историко-социального процесса.

¹ А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 322.

² Там же.

Историческая и политическая зрелость Пушкина явственно проявилась уже в том, что поражение Бориса расценено в трагедии не как следствие индивидуальных усилий самозванца, но как результат победы народа, боровшегося за свое национальное существование и свергнувшего династию Годунова.

Однако победивший в трагедии народ оказался не в состоянии удержать свою победу, и результаты ее были узурпированы боярством. Пушкин и не мог показать иной ситуации — это противоречило бы исторической правде. Поистине огромное значение для всей русской культуры в целом имело то обстоятельство, что в «Борисе Годунове» впервые не только для русской литературы, но и для русской исторической науки была показана решающая роль народа в историческом процессе и потенциальная возможность победы его над самодержавием.

Особенно большое значение это обстоятельство приобретало в условиях развивавшегося движения дворянских революционеров, не опиравшихся в своей политической деятельности на социальную активность широких народных масс. В высшей степени знаменательно и то обстоятельство, что почти одновременно с «Борисом Годуновым», непосредственно перед выступлением декабристов, было закончено и «Горе от ума» Грибоедова — комедия глубочайшего социального обобщения, со всей остротой поставившая вопрос о соотношении сил революционно настроенной дворянской интеллигенции и пока еще мощной твердыни старого социального строя. Чацкий был «сломлен количеством старой силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей» (разрядка моя. — *Б. Г.*).¹ Закономерность выступления декабристов, а вместе с тем и неизбежную обреченность их дела с исключительной остротой социального зрения подчеркнул Герцен, увидевший в них «...воинов-сподвижников, вышедших сознательно на явную гибель...»² Немеркнувшее историческое значение дела декабристов утвердил Ленин, видевший основную причину их поражения в том, что «Страшно далеки они от народа».³

В свете этих ленинских указаний особенную значительность приобретают выводы, к каким пришли почти одновременно Пушкин и Грибоедов в канун поражения декабристов. Пушкин утверждал решающую роль народа в историческом процессе. Грибоедов с огромной силой отразил назревший общественный протест против твердыни старого строя, а вместе с тем и явную несоразмерность оппозиционных сил самого дворянского общества с силами монархии.

Катастрофа на Сенатской площади многое прояснила. Признание недостаточности и неполноценности тактики вооруженного восстания группы

¹ И. А. Гончаров. Миллион терзаний. Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1896, стр. 154.

² А. И. Герцен. Концы и начала. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, Пг., 1920, стр. 280.

³ В. И. Ленин. Памяти Герцена. Соч., изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

героических свободолюбцев, идущих на явную гибель во имя народа, но без его поддержки, было лишь трезвым и исторически оправданным выводом из создавшегося положения. Безошибочное чувство истории вскоре привело Пушкина к поразительно верной оценке исторического значения дела декабристов.

«Моровая полоса, — писал Герцен, — идущая от 1825 до 1855 года, скоро совсем задвинется; человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, и будущие поколения не раз остановятся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которая *в сущности* не прерывалась. Повидимому, поток был остановлен, Николай перевязал артерию, но кровь переливалась проселочными тропинками».¹

Основной ошибкой при определении социально-политических позиций Пушкина в 30-е годы является то, что ответ разыскивается лишь в плоскости разрешения дилеммы: «самодержавие — крепостное право», что было характерным для обстановки 10-х — начала 20-х годов, между тем как в 30-е годы действительность была значительно более сложной, ибо в этот период уже во весь рост вставал вопрос о путях буржуазного развития России. Таким образом к основной проблеме самодержавие — крепостное право присоединялись и требовали своего разрешения новые: буржуазия — дворянство и буржуазия — народ.

Начало 30-х годов прошлого столетия ознаменовалось крупнейшими событиями общеевропейского значения. Июльская буржуазная революция 1830 г. во Франции вызвала отзвуки почти во всей Европе. Вслед за этим произошли значительнейшие политические события, имевшие непосредственное отношение к России, — польское восстание 1830—1831 гг. Внутри самой России прокатывались волны холерных восстаний в среде крестьянства и в военно-солдатских поселениях.

Раздробление дворянских поместий усиливало переход помещичьих земель в руки буржуазии. Обозначился начавшийся процесс выделения капиталистических элементов и из среды крепостного крестьянства, а в связи с этим и общий процесс его дифференциации. Родоначальник известной фамилии фабрикантов Морозовых Савва Морозов выкупился из крепостной зависимости в 1820 г., а в 1862 г. умер уже владельцем двух больших фабрик.

Потенциально уже был намечен путь, который в недалеком будущем приведет не только к выделению из среды крепостного крестьянства таких элементов, как бурмистр Софрон, фактически более владеющий Шипиловой, чем сам г. Пеночкин, но и к покупке с торгов лопахинными вишневыми садами их бывших господ. Этот процесс непосредственно попадал в поле зрения Пушкина в связи с деятельностью его крепостного управляющего в Болдине — Михайлы Калашникова: «...чего же ожидать теперь?» — писал

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, ч. IV, гл. XXV. Гослитиздат, Л., 1946, стр. 226.

Пушкину Н. И. Павлицев 31 января (12 февраля) 1835 г. — первой недоимки, — продажи с молотка, и может быть зрелища, как крепостные покупают имения у своих господ. Я не говорю, чтобы Михайло купил его, — нет; но уверен, что он в состоянии купить».¹

Сложные и глубоко знаменательные процессы происходили и в основной массе крестьянства, продолжавшей, как и прежде, испытывать тяжелый гнет крепостничества, заметно усиливавшийся в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню. Назревавшее издавна глухое озлобление против крепостного состояния и помещиков прорывалось в эти годы в самых разнообразных формах все чаще и чаще, пока не вылилось в широкое и массовое движение, принявшее форму холерных бунтов 1830—1831 гг., охвативших большую часть территории России.

Крестьянское движение было поддержано многочисленными восстаниями в военных поселениях, причем ярко обнаружилась полная солидарность между солдатами и крестьянами. «Более ста человек генералов, полковников и офицеров, — писал Пушкин Вяземскому в августе 1831 г., — перерезаны в Новгородских поселениях со всеми утончениями злобы... Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников».²

Формы, какие принимало движение против помещиков и крепостничества в 1830—1831 гг., свидетельствовали о социальной глубине назревавшего протеста, о том, что чаша долготерпения крепостного крестьянства переполнилась.

Письма Н. М. Коншина о подробностях и характере восстаний в военных поселениях, вероятно, напоминали Пушкину картины стихийных народных мятежей в древней Руси.

Характер этих восстаний мог напомнить Пушкину и хорошо известные ему строки Радищева: «Я заметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость».³

Однако все эти эксцессы, имевшие место в событиях 1830—1831 гг., не могли обмануть Пушкина в отношении подлинных качеств русского народа, который отнюдь не жесток по своей природе. Это подчеркивалось Пушкиным неоднократно в те годы. Кузнец Архип в «Дубровском» поджигает дом, в котором находились пьяные приказные, но он же с опасностью для жизни спасает кошку с кровли пылающего сарая: «Бога вы не боитесь, — говорит он мальчишкам, — божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь...»⁴ В «Капитанской дочке» Пугачев говорит Гриневу: «Ты видишь,

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 16, 1949. Переписка 1835—1837, стр. 9.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 373.

³ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. I, гл. «Зайцово». Полн. собр. соч., изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 272.

⁴ А. С. Пушкин. Дубровский. Соч., т. VI, стр. 255.

что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья».¹ В «Истории Пугачева» Пушкин приводит свидетельство казака Кожевникова, показавшего (под пыткой), что Пугачев «...намерен был обнаружить себя...» осенью «во избежание супротивления со стороны гарнизона и напрасного кровопролития».² За всеми внешними эксцессами крестьянского движения 1830—1831 гг. Пушкин видел прежде всего мотивы ожесточенной социальной борьбы и стихийное проявление долго накапливавшегося и подавлявшегося озлобления против угнетателей всякого рода, которое в конечном счете легко могло вылиться в форму бунта.

Пушкин не склонен был преуменьшать значение происходивших событий. «Россия нуждается в покое, — писал он Е. М. Хитрово в конце 1830 г. — Я только что проехал по ней... Народ подавлен и раздражен. 1830-й год — печальный год для нас!»³

События 1830—1831 гг. в России на фоне общеевропейского положения, вызванного июльской буржуазной революцией во Франции и отзвуками ее в других странах, со всей остротой ставили вопрос о дальнейших путях России, о соотношении политических сил в государстве и о возможных прогнозах на ближайшее будущее.

Поиски этих путей велись в разных направлениях, и выдвигавшиеся прогнозы были обусловлены самыми различными точками зрения. Эти поиски захватывали широчайший круг проблем — от попыток найти ответы на острейшие вопросы современности в применении выводов идеалистической философии к судьбам человечества и России до провозглашения новым евангелием человечества идей Сен-Симона и других ранних утопистов-социалистов.

Прогнозы подобного рода создавались вне учета закономерностей исторического развития, обусловленного антагонизмом и борьбой социальных сил, поэтому авторы и последователи их, обращаясь ко всему обществу, объективно стояли над антагонизмом общественных сил, раздиравших общество и обуславливавших его дальнейшее развитие. Между тем вся предшествовавшая эволюция исторических воззрений Пушкина приводила его к утверждению социальных закономерностей исторического процесса. Это сказывалось уже и в тех моментах критического преодоления концепции Карамзина, какие мы видим в пушкинской работе над «Борисом Годуновым». Весь последующий личный социальный опыт Пушкина способствовал лишь укреплению этих воззрений.

Методология исторических исследований Карамзина воспринималась Пушкиным в 30-е годы как явный анахронизм. Этим, в частности, обусловлено характерное изменение позиций Пушкина в отношении «Истории» Полевого, сказавшееся в набросках третьей статьи о ней. Признавая

¹ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. XI. Соч., т. VI, стр. 506.

² А. С. Пушкин. История Пугачева, гл. II. Соч., т. VIII, стр. 159.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 325 (подлинник по-французски, перевод — на стр. 825).

попрежнему неприличным недопустимо резкий тон Полевого в отношении Карамзина, Пушкин в то же время отмечает как несомненное достоинство Полевого его стремление в духе традиций новой исторической школы отыскивать причины событий в особенностях предшествовавших этапов исторического развития. Основную причину ошибок Полевого в раскрытии характера русского исторического процесса Пушкин видит в механическом перенесении на Россию социально-исторических схем, выработанных новой исторической школой для Западной Европы, без учета специфических особенностей русского исторического процесса.

В своей критике Полевого Пушкин обнаружил исключительную историческую зрелость, выдвинув неременное требование — при решении вопросов о характере истории любого народа исходить не только из общих методологических предпосылок, но и из учета специфических, исторически сложившихся особенностей каждого народа в отдельности. «Не говорите: *иначе нельзя было быть*, — писал Пушкин. — Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая...*»¹

В своем стремлении понять «общий ход вещей», разобраться в сложнейших процессах современности, исходя из принципа их причинной связи с прошлым, и, если можно, вывести из всего этого некоторые предположения для будущего Пушкин почти одновременно обращается и к русской и к западноевропейской истории. В русском прошлом его внимание привлекает в первую очередь история широкого крестьянского движения, возглавленного Пугачевым, в прошлом Западной Европы — история французской революции.

Работа Пушкина над исследованием о французской революции не нашла выражения в форме законченного исторического труда. Отдельные нити от этих занятий Пушкина протягиваются к замыслу большой социальной драмы из эпохи европейского феодализма, оставшейся незавершенной и печатающейся под условным редакторским заглавием: «Сцены из рыцарских времен» (1835). Историческое изучение широкого крестьянского движения, связанного с именем Пугачева, легло в основу «Истории Пугачева» (1834) и «Капитанской дочки» (1835).

«История Пугачева», более или менее удовлетворительно изученная с чисто исторической ее стороны, нуждается в дополнительном исследовании с точки зрения отражения в ней взглядов Пушкина 30-х годов на природу и характер широких крестьянских движений вообще. В этом

¹ А. С. Пушкин. Второй том «Истории русского народа» Полевого. Соч., т. VII, стр. 147.

отношении существенно одно обстоятельство, которое значительно расширяет наши представления о значении занятий Пушкина над историей Пугачева в связи с событиями 1830—1831 гг. Эти занятия углубили интерес Пушкина к причинам, судьбе и последствиям широких массовых крестьянских движений как характерной закономерности русского исторического процесса на протяжении последних трех веков. Историческое дело Пугачева Пушкин рассматривал как продолжение дела Разина, постоянно сопоставляя эти имена и подчеркивая генетическую связь между ними.

В дальнейшем мы будем касаться лишь тех сторон «Истории Пугачева», которые дают возможность за внешним изложением исторических фактов вскрыть отношение к ним самого Пушкина, а за пушкинской оценкой движения Пугачева почувствовать характер более общих его размышлений о природе и характере крестьянских движений вообще. В этом отношении чрезвычайно показателен уже самый эпитаф ко всему труду, взятый Пушкиным из «Краткого известия» архимандрита Платона Любарского.¹ Зашифрованный именем архимандрита Платона, этот эпитаф, не обративший на себя внимания исследователей, предельно четко определяет характер всего движения, как представлявшего собою подлинно народное, широкое движение, не зависевшее от индивидуальной воли самого Пугачева и развивавшееся в разных местах одновременно. Вот этот замечательный эпитаф: «Мне кажется, сего вора всех замыслов и походов не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачев (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удалства в разных вдруг местах происходили».²

Все последующее пушкинское изложение «Истории Пугачева» является утверждением и развитием этого основного тезиса.

В первой главе дается яркое описание прежних исконных гражданских свобод яицких казаков. Петр Великий впервые принял меры «для введения Яицких казаков в общую систему государственного управления».³ «Казаки возмутились... но были жестоко усмирены полковником Захаровым».⁴ В царствование Екатерины II казаки, терпевшие аналогичные притеснения, также неоднократно возмущались, и генералы Потапов и Черепов

¹ Полное наименование этого «Известия»: «Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом Спасо-Казанским, 1774 года августа 24 дня».

² А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 146.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Там же.

«...принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней».¹ Казаки вознамерились довести до сведения императрицы «справедливые свои жалобы», но их посланцы были «схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики».² Местное начальство после этого стало пользоваться всякими предложениями, чтобы «мстить народу за его супротивления...»³

События развивались стремительно. Последовало жестокое усмирение мятежа, но движение уже нельзя было остановить. «Недоставало предводителя. Предводитель сыскался».⁴ Так заканчивается первая глава. Она оправдывает мятеж и показывает его истинную природу: борьба народа за свою исконную свободу.

Далее события разворачиваются совершенно так же, как в «Борисе Годунове»: «...послушные сдавались города, а воевод упрямых чернь вязала».⁵ Так случилось и с атаманом Илецкого городка.

Крестьянское движение, принимавшее невиданные размеры, стимулировало восстания угнетенных царизмом народностей. «Мордва, чуваша, черемисы перестали повиноваться русскому начальству».⁶ Вооружение повстанцев было типичным для крестьянской войны: «...пштыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины...»⁷

Пушкин четко выявляет социальный антидворянский характер всего движения, рассказывая, что отряды повстанцев «устремлялись во все стороны... грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности».⁸ Политическая программа повстанцев в тех ее очертаниях, какие зафиксированы самим Пушкиным, четко определяется характером агитации вольных или невольных агентов Пугачева: «...распускали по площадям (в Москве. — *Б. Г.*) вести о вольности и о истреблении господ».⁹ И в другом месте: «Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».¹⁰

В первой главе Пушкин показал, что мятеж был поднят казаками еще до появления Пугачева. В дальнейшем изложении неоднократно подчеркивается, что широкое крестьянское движение разворачивалось помимо личной воли Пугачева, являвшегося лишь ставленником восставших, и что все его действия контролировались своеобразным военным штабом — фактическим центром движения. «Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца... Он ничего

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 151.

² Там же.

³ Там же, стр. 151—152.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 316.

⁶ А. С. Пушкин. История Пугачева, гл. III. Соч., т. VIII, стр. 171.

⁷ Там же, стр. 178.

⁸ Там же, стр. 179.

⁹ Там же, стр. 189.

¹⁰ Там же, стр. 247.

не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле».¹ Это свое наблюдение Пушкин подтверждает свидетельством Бибикова в его письме к Фонвизину: «...не Пугачев важен: важно общее негодование».² Даже личное поражение Пугачева и его бегство не остановило движения, которое продолжало развиваться с несслыханной силой, перекидываясь из области в область.

В свете всего этого становятся предельно ясными и смысл, какой вкладывал Пугачев в свои слова, сказанные им Панину о «вороне» и «вороненке», и значение, какое придавал этому эпизоду сам Пушкин, нарочито выделив эти слова Пугачева: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. — «Кто ты таков?», — спросил он у самозванца. — *«Емельян Иванов Пугачев»*, — отвечал тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. — *«Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает»*».³

Эти слова и в устах Пугачева и в контексте Пушкина имели самый прямой и точный смысл: арестом Пугачева отнюдь не устранялись причины движения, и поскольку эти причины оставались в полной силе, постольку сохранялась и потенциальная возможность и даже вероятность повторения аналогичных событий и в дальнейшем. Холерные восстания 1830—1831 гг., обнаруживавшие, как казалось, тенденцию перерасти в широкое массовое крестьянское движение, подтверждали это в полной мере. Связывая движение Пугачева с предшествовавшим ему движением Разина и с последовавшими событиями 1830—1831 гг., Пушкин устанавливал историческую закономерность всех этих движений, свидетельствовавших о коренном несоответствии существующего строя с жизненными интересами народа в целом. Во всех этих движениях Пушкин видел проявление самых характерных и положительных черт русского народа. Посылая в 1836 г. Д. В. Давыдову «Историю Пугачева», Пушкин рекомендовал ему Пугачева как «казака прямого», который в передовом партизанском отряде Давыдова мог бы быть лихим урядником.⁴ Тем самым личные качества деятелей крестьянского движения 1771—1775 гг. связывались с героизмом русского народа, освободившего родину в Отечественной войне 1812 г.

Вместе с тем Пушкин видел определенную историческую закономерность и того обстоятельства, что все без исключения попытки народа бороться за свое освобождение, неизменно завершались тяжелым поражением народа и победой самодержавия. Пушкин понимал, что при существующей ныне несоизмеримости сил и средств самодержавия и народа

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 180.

² Там же, гл. V, стр. 207.

³ Там же, гл. VIII, стр. 263.

⁴ А. С. Пушкин. Д. В. Давыдову. Соч., т. III, стр. 367.

восстания последнего и в ближайшее время несомненно будут обречены на неудачу.

Все это неизбежно приводило к необходимости переоценки ряда положений, казавшихся незыблемыми ранее и обнаруживших свою несостоятельность в настоящее время. Так, борьба с абсолютизмом, которая в обстановке конца 10-х — начала 20-х годов заставляла передовых представителей дворянского общества мечтать о жертвенном подвиге во имя свободы, равенства и братства, в обстановке 30-х годов, как это имело место во Франции, приводила к победе новой буржуазной демократии, к неограниченной власти «аристократии богатств», нового хозяина жизни. «С изумлением увидели, — писал Пушкин, — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное немолчимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)... рабство негров посреди образованности и свободы...»¹

Весь последний период творчества Пушкина ознаменован настойчивыми поисками живой социальной среды, которая несла бы в себе залог движения к будущему и давала бы возможность опереться на нее. В самые последние годы жизни подобная возможность для Пушкина, повидимому, становилась ощутимой. Такую возможность, как ему казалось, несла в себе среда людей творческого интеллектуального труда, «дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были», которая «всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности».² Формирование этой новой социальной среды, различинной по своему происхождению («какого б рода они ни были») и объединенной общими профессионально-общественными интересами, являлось важнейшим знаменем времени. Замечательнейшим представителем этой среды при жизни Пушкина был молодой Белинский, которого Ленин называл «предшественником полного вытеснения дворян различинцами в нашем освободительном движении...»³ Попытка со стороны Пушкина установления связи с Белинским в высшей степени показательна именно в этом отношении. Появление в русской действительности застрельщиков нового движения мысли Пушкин считал явлением глубоко знаменательным: «Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».⁴

Перед всеокрушающей мощью прогрессивной человеческой мысли меркнет сила любого правления и любой «аристократии породы и богатства», ибо наиболее могущественной «аристократией» в обществе является «...аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия

¹ А. С. Пушкин. Джон Теннер. Соч., т. VII, стр. 449.

² А. С. Пушкин. Опровержение на критики. Соч., т. VII, стр. 198.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

⁴ А. С. Пушкин. Опровержение на критики. Соч., т. VII, стр. 198.

налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов?»

Таковы были основные моменты, характеризовавшие пушкинские искания новых путей общественного развития и той живой социальной среды, которая по возможностям, заложенным в ней, могла бы быть противопоставлена и реакционной монархии, и «аристократии породы», и «аристократии богатств».

Трагизм художественных исканий Пушкина и исканий в области мировоззрения последнего периода его жизни заключался в том, что он подходил к проблемам, разрешение которых оказывалось невозможным в условиях его времени. Так, он далеко не все, что хотел, мог сказать о Пугачеве в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». Еще менее мог бы он сказать о Петре в задуманной им «Истории Петра I». Незавершенными остались такие замыслы, как «История села Горюхина», X глава «Евгения Онегина» и «Путешествие из Москвы в Петербург».

«Эпоха крепостная (1827—1846 гг.), — писал Ленин, — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ». ²

Выполнение этой исторической задачи — пробуждения могучих народных сил — выпало на долю второго поколения деятелей русского освободительного движения — революционеров, разночинцев, лучшими представителями которого были Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

¹ А. С. П у ш к и н. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 300—301.

² В. И. Л е н и н. Соч., т. 19, стр. 294—295.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
